

83.3(2Рос=Рус)-8

Н 50

Булгарин
Тургенев
Вяземский
Грибоедов
Дмитриев
Дельвиг
Пушкин
Баратынский
Вельтман
Даль
Гоголь
Жуковский
Белинский

Соллогуб
Фет
Толстой
Аксаков
Дружинин
Салтыков-Щедрин
Чехов
Гиппиус
Бунин
Айхенвальд
Бердяев
Честертон
Ремизов
Гумилев

Мандельштам
Булгаков
Цветаева
Бабель
Зощенко
Пильняк
Тынянов
Иванов
Виноградов
Бахтин
Шварц
Олеша
Набоков
Маяковский

Андрей Немзер

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

от Гаврилы Державина
до Юрия Давыдова

Платонов
Исаковский
Сент-Экзюпери
Берберова
Фадеев
Гроссман
Твардовский
Галич
Абрамов
Самойлов
Левитанский
Лотман
Астафьев
Окуджава
Давыдов
Трифонов
Синявский
Абрам Терц
Эйдельман
Тартаковский
Плисецкий
Вацуро
Высоцкий
Бродский

ПА-315048

АНДРЕЙ НЕМЗЕР

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

*От Гаврилы Державина
до Юрия Давыдова*

ВРЕМЯ

МОСКВА
2002

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
"ОРЕНБУРГСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Н.К. КРУПСКОЙ"

СОДЕРЖАНИЕ

От автора

ТРИ СОСНЫ. К вопросу об исчезновении классики..... 9

НЕ ТАК ДАВНО

Г. Р. Державин,	
В. В. Маяковский. Царь Давид якобинцем не был	35
И. В. Гёте. Все даруют боги бесконечные.	41
Н. М. Карамзин. Обреченный снам	47
В. А. Жуковский. Поэзия есть Бог в святых мечтах земли.....	63
Д. Н. Бегичев. Допотопное явление.....	72
А. А. Перовский (А. Погорельский) Славный дядюшка.....	76
Ф. В. Булгарин. Тот еще Видок.....	82
Н. И. Тургенев. Оправдание одинокого	87
П. А. Вяземский. О пушке и единороге	91
А. С. Грибоедов. Куда не кинь — всюду клин.....	99
М. А. Дмитриев. Злосчастный Мономахович	108
А. А. Дельвиг. Прозаического стиха никогда не напишу.....	112
А. С. Пушкин. «Для горбатого вы очень хороши...»	116
Е. А. Баратынский. Изгнанник рая	143
А. Ф. Вельтман. Жив-человек, мил-человек.....	148
В. И. Даль. Жить — Богу служить	151
Н. В. Гоголь. Не дает ответа	154
А. К. Жуковский (Е. Бернет) Даже не однофамилец.....	162
В. Г. Белинский. Критик	166
В. А. Соллогуб. Быть так! Спасибо и за то	175
А. К. Толстой. Жизнь — одна.....	188
А. А. Фет. Без кольчуги	204
И. С. Аксаков. В нем так много внутренней жизни.....	208
А. В. Дружинин. Некто в английском пиджаке	211
М. Е. Салтыков (Н. Щедрин) Сами с усами	214
А. П. Чехов. Без названия	218
З. Н. Гиппиус. Ослепительная слепая	225
И. А. Бунин. Закатная песня.....	230
Ю. И. Айхенвальд. Масскульт эпохи модерна	233
Н. А. Бердяев. Пламя настигает	239
Г. К. Честертон. Доступно даже интеллектуалу	244
А. М. Ремизов. Великое обезьянье дело	252
Н. С. Гумилев. Убитый на пути	255
О. Э. Мандельштам. Хорошо умирает пехота	260
М. А. Булгаков. Коемуждо по делом его	268
М. И. Цветаева. Готика смыслов.....	279
И. Э. Бабель. Где кончается Бенья?	287
М. М. Зощенко. Убийственная чепуха	292

Б. А. Пильняк. <i>Лакированный мрак</i>	298
Ю. Н. Тынянов. <i>Нет, весь я не умру</i>	301
Г. В. Иванов. <i>Ах, любезный друг, оставь меня в покое</i>	307
В. В. Виноградов. <i>И всюду страсти роковые</i>	312
М. М. Бахтин. <i>О, сколько лет я превращался в эхо</i>	316
Е. Л. Шварц. <i>Добро сильнее зла</i>	319
Ю. К. Олеша. <i>Время волшебников прошло</i>	323
В. В. Набоков. <i>Король среди королей</i>	327
Н. Я. Мандельштам. <i>Сохранившая речь</i>	340
А. Н. Радищев, А. П. Платонов. <i>Путешествие из Петербурга в Чевенгур и обратно</i>	343

СОВСЕМ НЕДАВНО

М. В. Исаковский. <i>Кому нести печаль свою?</i>	349
А. де Сент-Экзюпери. <i>Сказка об одиноком пилоте и планете людей</i>	352
Н. Н. Берберова. <i>Быть вместе и уцелеть</i>	355
А. А. Фадеев. <i>Разгромленный Генеральный</i>	358
В. С. Гроссман. <i>Нерасслышанная боль</i>	362
А. Т. Твардовский. <i>В рабстве спасенное, сердце свободное</i>	379
А. А. Галич. <i>Русские плачи</i>	385
Ф. А. Абрамов. <i>Семидесятник</i>	389
Д. С. Самойлов. <i>Часовой и звезда</i>	392
Ю. Д. Левитанский. <i>Вышел зайчик погулять</i>	417
Ю. М. Лотман. <i>Дорогою свободной иди</i>	422
В. П. Астафьев. <i>Поэт</i>	430
Б. Ш. Окуджава. <i>Великий заместитель</i>	440
Ю. В. Давыдов. <i>Победитель</i>	446
Ю. В. Трифонов. <i>Жертвоприношение</i>	453
А. Д. Синявский (Абрам Терц) <i>Свобода как праздник</i>	457
Н. Я. Эйдельман. <i>Почто слеза катится?</i>	461
А. Г. Тартаковский. <i>История продолжается</i>	466
Г. Б. Плисецкий. <i>И это все, что нам дано понять</i>	470
В. Э. Вацуро. <i>Право на воздух</i>	475
В. С. Высоцкий. <i>Про нас про всех — какие, к черту, волки</i>	480
И. А. Бродский. <i>Только нервы... Вот и все</i>	485

ЗАКОЛДОВАННАЯ ДАТА. <i>Вместо невозможного заключения</i>	493
---	-----

ную творческую систему, самые разнообразные «чужие» термины, наблюдения, идеи мгновенно «лотманизировались». Юрий Михайлович писал на очень своем языке: доступном пониманию (часто — упрощающему), но не подражанию. Поэтому результатом многолетней научной деятельности Лотмана стала не «методология» (сумма идей и навыков), но возможность свободного и ответственного научного творчества. Ни один из учеников Лотмана на него не похож и, кажется, едва ли не все по тем или иным проблемам расходятся с учителем. Парадокс этот задан самой личностью Лотмана.

«Чаадаев, который, пожалуй, ни в одном пункте не сходилась с идеями Карамзина, однажды написал о нем: “С каждым днем более и более научаюсь чтить его память”. С тех пор прошло много дней, но слова эти продолжают жить. Ими и хочется завершить книгу» (Ю. М. Лотман. Сотворение Карамзина. 1987).

1998

Поэт

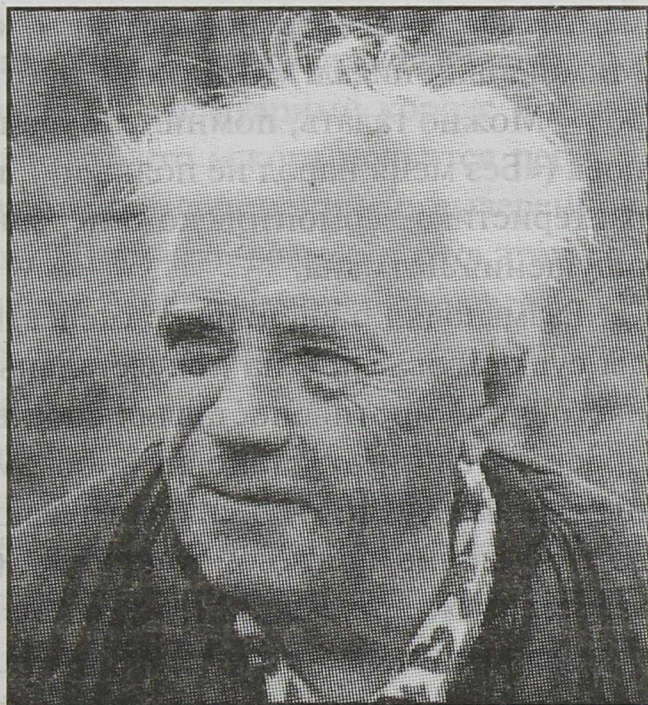
Виктор Петрович

Астафьев

1 мая 1924 —

29 ноября 2001

Вот и не стало Виктора Петровича Астафьева. И хотя смерть пришла к писателю на семьдесят восьмом году, а его тяжелые недуги давно не были тайной, известие о кончине Астафьева отзывается не только болью, но и недоумением. Казалось, что его любовь к жизни и солдатское чувство долга

всегда будут сильнее, чем старые раны и новые беды. Астафьев настолько не щадил себя, жил и писал с такой страстью и таким бесстрашием, был столь непредсказуем, свободен, творчески молод в каждой новой вещи, что «резонные» соображения (вроде «никто не вечен») никак с ним не ассоциировались. В самых последних его рассказах нет и намека на душевную усталость или «повторение пройденного». Эти без преувеличения страшные истории о войне («Трофейная пушка») и первых послевоенных годах («Пролетный гусь», «Жестокие романсы») полнятся таким кипением неостывшей боли, что всякий разговор о «мастерстве» кажется неуместным и жалким. И лишь одолев неизбежную оторопь, понимаешь, какая могучая гармония держит позднюю прозу Астафьева, какая смысловая энергия дышит в его неудержимой поэтической речи. Истовой, к каждому из нас обращенной речи, что не может и не должна оборваться. Астафьеву — до самого конца — было что нам сказать. Потому и не веришь в смерть писателя.

Главный дар Астафьева — удивление. Не восторженная, всегда чуть взвинченная растерянность захожего человека перед чем-то прежде неведомым, но счастливая способность ощущать в обыденном, сто раз виденном дыхание чуда, буквально — диво дивное. Так в «Царь-рыбе» Аким думает о Полярном круге: «И хотя он в Заполярье родился, вырос, все видел и знал, при научном слове «параллель» у него в голове преображалось, жизнь и местность приобретали какие-то иные формы, и выходило, что по эту сторону параллели — лес, ягоды, кустарники, боровая птица, лесной зверь, а по ту — сразу же голая тундра, испятнанная озерами, и ничего там нет, кроме мха и кустарников, уток да гусей, песцов да куропаток». Сказка, «ученость» и житейский опыт сплавляются воедино, как сливаются простодушно перечислительная интонация героя с поэтическим словом повествователя. Одинаковые слова по разные стороны «параллели» становятся антонимами: «кустарники» в соседстве «боровой птицы» совсем не то, что «кустарники» тундры, хоть и летят над ними гуси да утки. Простое, часто не изукрашенное эпитетами и обходящееся без уточнений слово наливается поэтической конкретностью, напитывается общей энергией астафьевской прозы, и чудо жизни, казалось бы, доступное, являет себя с не предполагаемой все-таки прежде мощью. Знакомый мир, знакомые люди, знакомые истории не перестают обжигать писателя и дорогих ему персонажей вечной непостижимостью. Потому и жадный до впечатлений прозаик вновь и вновь возвращается к тому, что вроде бы уже столько раз им пережито-воссоздано: детство, война, Сибирь. Поклон не может стать последним.

Просто сказать, что Астафьев любил жизнь, — да только известнейшую «жизнелюбивую» (в расчете на взаимность) песню распевают у него браконьеры в том самом рассказе, что заканчивается тризной по бессмысленно забитым и выброшенным на свалку глухарям. «Всю зиму и весну пировали вороны, сороки, собаки, кошки; и как вздымался ветер, сажеею летало над поселком Чуш черное перо, поднятое с берегов обсохшего пруда, летало, кружило, застыл белый свет, рябя отгорелым порохом и мертвым прахом на лице очумелого солнца». «Порох» и «прах» — далеко разбежавшиеся огласовки одного и того же слова — стиснуты вновь волей писателя, в который раз увидевшего воочию силу зла, то, что за роковой чертой, где «кончается человек и из дальних, наполненных пещерной жутью времен выставляется и глядит, не моргая, низколобое, клыкастое мурло первобытного дикаря». Почти те же слова всплывают в рассказе «Людочка», когда звероватый отчим мимоходом сгубленной тихой девушки обрушивается на шайку пакостливых негодяев-насильников. Почти те же слова клубятся в «Печальном детективе», где снова и снова ставит нас писатель лицом к лицу с бесноватой поганью, столь бессовестной и безнаказной, что кажется: это серенькое зло можно преодолеть лишь злом большим, черным. Как перо над поселком Чуш. Как гарь войны. Как гремящая в висках, кровавая, слепая ярость астафьевских мстителей. Зло рождает зло. И нет выхода из заколдованного круга. Клин клином не вышибешь. Молчаливая снисходительность (легко превращающаяся в жалость к «несчастненькому» насильнику) укрепляет бесовщину и, что не менее страшно, приучает к естественности зла.

Нет страшнее лжи. И Астафьев не устает умолять нас, привыкших не замечать разора и кощунства, подменять свободный и ответственный взгляд на бытие комфортной и трусливой «всепонимающей» глумливостью: зло сильно, изворотливо, нагло, умеет подбираться к каждому (чудовищные «самоловы» в «Царь-рыбе» ставят не одни хапуги, но и сердечно любимый Астафьевым и нами Аким), зло может быть каким угодно, но оно всегда противоестественно. И если забыть об этом, если не замечать, как злодействуют «государевы людишки» или окрестная шпана, если перестать изумляться злу и воспринимать как должное расчеловечивание человека, то — пусть виною история, но не одними же «вождями» она сложилась! — человек (каким бы славным хозяином, умельцем, мастером, другом и семьянином он ни был) попадает в ловушку. Он либо рассыпается прахом, растворяется в сероватом мертвом дымке, погибает до срока — либо воет с волками по-волчьи.

Третье — дано, но оно-то и требует различения добра и зла в себе и в мире. И тогда слова о любви к жизни теряют привкус незабыто-

го шлягера, а гнев и боль не выворачиваются в слепую и дикую ярость. Тогда осмысленным становится доверие к человеку, а его грех рождает в твоей душе долгое томящее недоумение, печаль пополам с надеждой. Тогда пишутся «Царь-рыба», «Пастух и пастушка», «Последний поклон», лучшие рассказы. Все то, что к середине 80-х обеспечило Астафьеву статус живого классика, читательскую любовь, неколебимый авторитет в, мягко говоря, пестрой литературской среде.

Именно тогда, не дожидаясь официальных разрешений, но чувствуя «дыхание свободы», писатель взорвал внешнее благолепие «Печальным детективом». Резко до надрыва он заговорил о роковой связи общественного нестроения и излома человеческой души, о «порче» (ключевое слово позднего Астафьева), десятилетиями корежащей нашу страну. Как бы кто тогда и теперь ни оценивал «Печальный детектив» и сопутствующие ему рассказы, именно эти вещи качественно изменили самый состав еще подцензурной словесности. С ними в литературу пришло иное понимание свободы. После «Печального детектива» и астафьевских статей о войне разговор о «уже можно, еще нельзя» потерял всякий смысл.

Астафьев заставлял увидеть въяве не только минувшие и тогдашние, но и будущие страхи и ужасы России. Он говорил об общей вине, о вошедшем в привычку небрежении отдельным человеком, о внутреннем обессмысливании жизни, насквозь пропитанной враньем, жестокостью и алкоголем, серой жизни, что неизбежно губительно отзовется в детях и внуках. Видя силу, агрессивность и изворотливость зла, он, как и прежде, ни в коей мере не желал подчиняться его «логике». Он верил в свободу и в людей, что должны вернуться к самим себе, найти узкий путь меж казарменным рабством и бандитским своеволием. Верил — и потому писал.

Десятилетие русской свободы, столь многими потраченное попусту, стало для Астафьева по-настоящему своим. Он мог наконец говорить во весь голос — и он говорил. О кровавой каше войны. О преданных и брошенных на произвол судьбы победителях. О том, как страшно жить, и о том, «как хочется жить». О душевной стойкости «веселого солдата» и сломанных судьбах других солдат — когда то не менее веселых. За эти годы были написаны «отцовские» (быть может, самые сильные) главы «Последнего поклона» («Забубенная головушка»), роман-дилогия «Прокляты и убиты» («Чертова яма», «Плацдарм»), заменившие его третью часть повести о горьких возвращениях в пустые дома — «Так хочется жить», «Обертон», «Веселый солдат», новые рассказы и «затеси».

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения
невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской областной
универсальной научной библиотеке им. Н. К. Крупской по адресу:
г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-48